

On the value orientations of the Russian version of human rights

N. N. Tarusina¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl state University, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-2-242-255

Research article
Full text in Russian

The article proposes several ideas that make up the ideological, legal, and ethical prerequisites, which, in the author's opinion, have a significant impact on the formatting and reformatting of the construction of human rights in the modern Russian version. Regulatory and law enforcement decisions are used as demonstration samples of the results of this impact, mainly from the field of family and work, including their doctrinal interpretation. Among these guidelines are the ideas of national sovereignty of approaches to human rights, their constitutional and judicial interpretation based on discretion, «weighing» public and private interests, as well as the actual development of ambiguous rights and freedoms, strengthening the role of the duty structure, subtle interaction of formal legal, ethical and religious principles.

Keywords: human rights; prerequisites for development; the Russian version; clarification of guidelines; social service; examples from the sphere of work and family

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Tarusina, Nadezhda N.	E-mail: nant@uniyar.ac.ru
	ORCID iD: 0000-0001-8827-5532
	Cand. Sc. (Jurisprudence), Professor, Honored lawyer of the Russian Federation

Funding: Yaroslavl State University (project VIP-014).

О ценностных ориентирах российской версии прав человека

Н. Н. Тарусина¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-2-242-255
УДК 342.7

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье предлагается несколько идей, составляющих идеологические, правовые, этические предпосылки, оказывающие, на взгляд автора, значимое влияние на форматирование и переформатирование конструкции прав человека в современной российской версии. В качестве демонстрационных образцов результатов данного воздействия используются нормативные и правоприменительные решения преимущественно из сферы семьи и труда, включая их доктринальное толкование. Среди таковых ориентиров – идеи о национальной суверенизации подходов к правам человека, конституционно-судебное их толкование на основе усмотрения, «взвешивания» публичных и частных интересов, а также и собственно равнозначных прав и свобод; об усилении роли конструкции обязанности; тонком взаимодействии формально-юридических, этических и религиозных начал.

Ключевые слова: права человека; предпосылки развития; российская версия; уточнение ориентиров; социальное служение; примеры из сферы труда и семьи

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тарусина, Надежда Николаевна

E-mail: nant@uniyar.ac.ru

ORCID iD: 0000-0001-8827-5532

Кандидат юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой социального и семейного
законодательства, Заслуженный юрист РФ

Финансирование: ЯрГУ (проект VIP-014).

Российский социум в целом, общественное сознание (и правосознание), система социального регулирования общественных отношений (включая правовой инструментарий, механизм правового регулирования) находятся в настоящее время в активном эволюционном (а по ряду позиций – и в революционном) движении. Среди компонентов «динамо-машины», дающей

© ЯрГУ, 2024

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

энергию означенному движению, – прошедшая пандемия (с ее особой социологией и психологией, правовыми ограничениями, в том числе избыточными), специальная военная операция (с ее воздействием на общественное сознание, идеологию в сфере политики, экономики, образования, культуры), ориентация на ценностную солидарность [1, с. 55–57], активное (и ускоряющееся) обеспечение охраны, защиты и соответствующего развития (адекватного времени) традиционных ценностей российского общества и государства как особой цивилизации.

Это сопровождается определенным разворотом от безоглядного копирования западных образцов правового регулирования общественных отношений [2, с. 161–164] (с сохранением классики юриспруденции, приверженности конвенционным началам о правах и свободах человека [3, с. 403–414; 4, с. 53–69], к разумному осмыслению и восприятию зарубежного законодательного опыта, не противоречащего российскому конституционно-правовому контексту [5, с. 8–21]), уточнением смыслов конституционных положений (об уважении исторической памяти российского народа, о патриотизме, семейных ценностях, социальном служении, роли Конституционного Суда РФ) [6, с. 20–34; 7, с. 33–52; 8, с. 5–16], существенным обновлением системы стимулирования (поддержки) социально значимых интересов общества и его отдельных групп, с одной стороны, и ограничениями возможностей граждан и их объединений – с другой, а также активным развитием институтов гражданского общества, в том числе с вектором на социальное служение¹.

Исследование означенных процессов осуществляется на основе системы идей, среди которых считаем важным выделить несколько соображений. **Первое:** представление об универсальности прав и свобод (в их западном исполнении) – скорее предположение, нежели аксиома. В последние годы становится все очевиднее, что «болезнь самоотречения» (характерная прежде всего для определенной части российской элиты), среди ее симптомов – тяга к «некритичному массивованному заимствованию чужих форм жизнедеятельности при равнодушии к развитию своих» [10, с. 11–15], подлежит системному «лечению», а основным лекарством является идея суверенности российской цивилизации (на фоне суверенности других цивилизаций и на основе их взаимоуважения), и среди результатов которо-

¹ В рамках пилотных проектов в ряде вузов, включая ЯрГУ, организованы экспериментальные курсы по программе «Обучение служением». При этом на юридическом факультете подобный курс читается уже пять лет («Институты гражданского общества: обучение служением») и весьма востребован студентами, в том числе в прикладном смысле (участие в добровольчестве и благотворительности). С учетом задач указанного пилотного проекта практическая часть курса сориентирована на профессиональные компетенции (подготовка учредительных документов для НКО, блока специализированного законодательства, лекционного курса по основам права для школьников и т. д.).

го – не только ослабление означенной «болезни», но и формирование новой (обновленной) элиты, в том числе из рядов участников СВО, волонтеров СВО и других активных членов гражданского общества.

В качестве «лекарства» явились также конституционные поправки 2020 года. Среди ярких и убедительных примеров их «медикаментозного» воздействия – изменение подходов к ЛГБТ-движению: запрет пропаганды, соответствующие законодательные ограничения в праве на свободу информации, включая сетевые ресурсы, публичных мероприятий и т. п., бесконтрольной смены пола; признание браком союза исключительно мужчины и женщины; и т. д. При этом следует заметить, что до новеллы п. «ж¹» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ не только в известной части российского общества, но и в юридической доктрине (частично и в социологии) гендерные характеристики брака толковались некоторыми ее представителями весьма вольно (читай: по-европейски либерально) – с надеждами на поэтапное растворение классического супружества и семейного союза, на нем основанного, среди образцов гендерного разнообразия, причем на первом этапе – в форме гражданско-правовых партнерств, на втором – в качестве подвида брачного «содружества». Данный подход подвергся активной критике со стороны ряда философов, социологов и правоведов [11, с. 48–52; 12, с. 152–160], однако «почил в бозе» только после четко обозначенного конституционно-правового смысла российского брака и российской семьи. Далее, как известно, в 2023 году последовало законодательное ограничение смены пола² (ст. 45.1 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»³) и дополнение нормы ст. 16 Семейного кодекса РФ⁴ новым основанием прекращения брака (смерть супруга, расторжение брака, смена пола супругом). Причем до этого момента семейно-правовые последствия данной операции безрезультатно (хотя и активно) обсуждались в цивилистической науке в течение не менее двадцати лет (!) – и это при том, что абсолютному большинству ее представителей была очевидна неприемлемость сложившейся ситуации: если после смены пола одним из супругов не инициировался развод, миру являлся однополый супружеский союз... Следует также заметить, что проблема правовых последствий пока до конца системно не решена: вследствие смены пола одним из родителей, российскому миру является социальная и юридическая конструкция однополого родительства, относительно судьбы которого законодатель до сих пор не определился – имеется лишь эпизодическая реакция судебной практики о лишении родительских прав модифицированного

² За исключением случаев медицинской коррекции врожденной аномалии.

³ Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 2011. № 48, ст. 6724.

⁴ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 1996. № 1, ст. 16.

«папы» («мамы-2»), если поведение такого родителя наносит вред детской психике [13, с. 131–146; 14, с. 79].

Второе: фундаментальные права и свободы неизбежно подлежат политическому, нравственному, законодательному, правоприменительно-му толкованию – логическому, историческому, системному и другому (в том числе доктринальному и обыденному), что воспроизводит различные их смыслы, которые, впрочем с правовой точки зрения оцениваются на высокопрофессиональном конституционно-судебном уровне⁵, а с иных – только философской, политологической и социологической доктринами. Например, право на жизнь (ч. 1 ст. 20 Конституции РФ) на первый взгляд предполагает не только ее охрану, но и свободу распоряжения ею носителем данного права (производное «право на самоубийство», право на эвтаназию). Однако прочтение смысла означенной свободы весьма различно – от допущения подобных производных возможностей (Нидерланды, Бельгия и др.) до их категорического непризнания/запрета (Россия и др.) – с соответствующим обоснованием со стороны этики, медицины и права [17, с. 87–104]; право на охрану здоровья (ч. 1 ст. 41 Конституции РФ) взаимодействует с обязанностью его сохранять, а в предусмотренном законом случаях – исполнять ряд требований (правил) медицинского характера (предоставлять сведения о состоянии здоровья при приеме на некоторые виды работ, проходить периодическое медицинское обследование и т. д.).

Третье: индивидуальная, конституционно заявленная свобода сосуществует со свободами других лиц (граждан, социальных групп, организаций – ч. 3 ст. 17 Конституции РФ). В числе примеров – свобода пикета, собраний, митингов, демонстраций (ст. 31 Конституции РФ): российским законодательством предусмотрены процедура и условия реализации данных правомочий. Среди условий (в немало числе) их реализации – и специфические требования, ориентированные на защиту интересов особых категорий граждан (детей, лиц с инвалидностью и др.). Так, известен случай своеобразного злоупотребления родительскими правами: родите-

⁵ Хотя при общей безусловной верности данного утверждения эпизодически появляются и сомнения. В качестве одного из новейших примеров можно обратиться к суждениям Суда о возможности применения в России смертной казни. В постановлении от 02.02.199 г. № 3-П Суд связал таковую возможность с введением во всех субъектах РФ суда присяжных, а когда они были созданы, в определении от 19.11.2009 г. № 13-44-О-Р зафиксировал ее недопустимость ввиду конвенционных обязательств РФ, обеспечения принципа гуманизма и сложившейся практики замены смертной казни лишением свободы. На данное определение было вынесено особое мнение судьи, с правовой позицией которого в юридической доктрине ряд ее представителей согласны [15, с. 46–60]. В 2022 году Д. А. Медведев, в связи с выходом РФ из Совета Европы, допустил (на наш взгляд, обоснованно) возврат к вопросу о смертной казни, однако был активно атакован со стороны одного из членов Совета Федерации РФ и Председателя Конституционного Суда РФ. Подробно о правовых позициях Суда и доктрины см. статью автора данного сочинения [16, с. 56–65].

ли Х явились на несанкционированный митинг с малолетним ребенком, передали его на руки одному из организаторов мероприятия, дабы облегчить последнему преодоление полицейского кордона. По данному факту по инициативе прокуратуры было возбуждено дело о лишении родительских прав, однако суд ограничился на первый раз предупреждением, с которым «очумелые» родители не были согласны и попытались (без успеха) обжаловать судебное решение [18, с. 7–10].

«Осознанная необходимость» включается в качестве решающего фактора (предпосылки) при любом взаимодействии публичных и частных интересов (соответственно – публичных и частных начал) при выборе социального (этического, организационного, правового) инструментария регулирования того или иного вида общественных отношений. Характер балансировки между ними существенно отличается в зависимости от принадлежности этих отношений к публичной, частной или частно-публичной отрасли права. К числу последнего типа прежде всего относятся правовые отраслевые режимы в сфере семьи и труда. Именно в их методологии наиболее ярко проявляется взаимодействие противоположных технологий – императивных (в целях обеспечения государственного и общественного контроля в указанных сферах, особой защиты социально значимых интересов детей, работников, лиц с семейными обязанностями, с инвалидностью и т. .) и диспозитивных (гарантии свободы принятия решений, хотя и относительной, невмешательства в частную/семейную жизнь, самозащиты/самоурегулирования проблемной или конфликтной ситуации и т. п.). Наиболее демонстративными образцами первой являются нормативные требования к браку и способам его прекращения, попечению над детьми (в любой из форм), меры оперативной защиты и ответственности за ненадлежащее воспитание детей, дифференцирующие условия труда для несовершеннолетних, женщин в состоянии беременности, запрет дискриминации при реализации права на труд и др. К образцам второго типа можно отнести все варианты договорного регулирования (брак как соглашение, брачный договор, соглашение об алиментах, трудовой договор и т. д.), свобода которых, впрочем, ограничивается действием императивных технологий, что и замыкает рассматриваемый «технологический круг».

Это порождает еще одну, специфическую, технологию: в ряде правовых режимов трудно или даже невозможно четко отграничить право от обязанности, классика формулы «нет прав без обязанностей и обязанностей без прав» не работает [19, с. 220–231]. Так, например, воспитание ребенка является и правом, и обязанностью родителей и других попечителей, право ребенка на мнение включает компонент обязанности выразить свою позицию по ряду семейно-правовых вопросов (в форме дачи согласия,

с десятилетнего возраста, или несогласия на совершение того или иного акта – изменение имени, усыновление/удочерение, назначение конкретного опекуна и др.); аналогичная сдвоенность характерна для деятельности, предполагающей профессиональный риск; право на охрану здоровья далеко не всегда отделимо от обязанности его личного сбережения⁶. И т. д. Да и в целом, как мы уже заметили, элементы долженствования присутствуют в содержании той или иной свободы гражданина: недопущение злоупотребления правом, учет позиции (интересов, прав) других лиц, социальных групп и общества, нравственные ограничители и т. п.

Четвертое: понимание правовой свободы как «осознанной необходимости», сложности взаимодействия общественных и личных интересов, публичных и частных начал призывает к активной жизнедеятельности, внедрению в пространство права конституционно-правовой конструкции прямых ограничений прав и свобод в целях защиты конституционных основ российской государственности, нравственности, здоровья, прав и интересов граждан, безопасности и обороноспособности страны (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ). Данное положение с очевидностью относится к числу наиболее сложно (и противоречиво) нормативно организуемых и трактуемых, поскольку ему противостоят фундаментальные идеи о равенстве, невмешательстве в частную жизнь и даже справедливости (при определенном, небесспорном, прочтении ее сущностных проявлений). Однако ему же и помогают находиться в пространстве правового (социального) государства и адекватного ему права идеи о единстве равенства и неравенства (равенство «в чистом виде тождественно виноградникам и кладбищам» [20, с. 141]; оно может быть источником несправедливости и конфликтов, а неравенство – согласия и справедливости [21, с. 24–25]), флагманского значения ценностных ориентиров российского общества (уважение памяти предков, веры; патриотизм; особая защита материнства и детства; помощь нуждающимся; социальное служение; и др.); иные гарантии не только «выживания», но и укрепления российской государственности (по возможности в образе, приближающемся к если не к идеальному, то к должному).

Среди очевидных актуальных образцов жизнедеятельности означенной конструкции – доктринальные идеи и нормативные положения о гендерном равенстве (неравенстве), дифференциации правовых статусов отдельных категорий граждан (несовершеннолетних, с инвалидностью, принадлежностью к определенной профессии, многодетных, малоимущих, защищающих Отечество и др.), ограничения и запреты в сфере публичности, риска (профессионального и иного), применения цифровых техноло-

⁶ Особенно убедительно это проявилось в период пандемии: обязательная вакцинация для отдельных групп населения (групп риска), перевод на дистанционный труд, требования специальных санитарных правил (ношение масок, обработка рук и т. п.).

гий, различных угроз (демографических, пандемических, военных, экологических, технологических, информационных).

Так, например, явственным образом представлено в законодательстве и общественных практиках гендерное неравенство в сфере политики и госслужбы (в доктрине обсуждается идея квотирования женского участия, не разделяемая нами), пространстве семьи (ограничение мужа в праве на развод в период беременности жены и года после рождения ребенка, фактическая презумпция оставления малолетнего ребенка с матерью при расторжении брака его родителей, презумпция отцовства в браке, запрет «одинокому мужчине» участвовать в программе суррогатного материнства и т. д.), труда (льготы беременным женщинам и матерям с малолетними детьми), уголовного и уголовно-исполнительного законов (специальные квалифицированные составы преступлений, различие в системе применения и исполнения наказаний) [13, с. 131–146; 22, с. 740–743]; неравенство, вполне справедливое, граждан в области социального законодательства (жилищные, медицинские, образовательные и иные льготы сиротам, многодетным семьям, участникам боевых действий, гражданам с инвалидностью), земельного и банковского права (аналогично социальному). Весьма ярко (и не всегда оправданно) проявились нормативно-правовые и управленческие ограничения в период прошедшей пандемии. Особенно образом они затронули правовой и фактический статус граждан «серебряного возраста», «подстриженных под одну гребенку», как правило, независимо от количества «серебра в волосах» (60, 70, 75, 80 лет и т. д.), состояния здоровья и осуществления профессиональной деятельности [23, с. 99–109].

Пятое: усиливается (расширяется, углубляется) системное взаимодействие нравственных, религиозных и правовых установок⁷, классической триады социальных регуляторов [24, с. 547–558; 25, 17–21]. В связи с этим, во-первых, крайне важно определиться с понятийным аппаратом каждого из них. Как отмечается в философской доктрине, «с самим социумом и его элементами могут происходить в реальности самые различные метаморфозы, включая и девиацию», в понятиях же о предмете закреплена, как в программе, его природа и предназначение (целеполагание), что позволяет человеку, ориентируясь на них, планировать и корректировать свое поведение [26, с. 182–185]. Следует заметить, что в этом плане наблюдается и «рай, и ад понятий». И если те из них, которые принадлежат этике, свою природу вполне предполагают бесконечную общественную

⁷ Хотя термин «установка» категорически присущ и другим сферам (например, психологии), последние напрямую не проецируют правил поведения, а лишь, на наш взгляд, влияют на формирование нормативистики соответствующих действий через означенные социальные регуляторы.

и доктринальную дискуссию (впрочем, при договоренностях о некоторых ключевых догматах), то в юриспруденции, особенно в прикладном ее проектировании (законодательстве и правоприменении), «дантовых сковородок» немало. Так, несмотря на общую положительную тенденцию реализации правил законодательной технологии (включение в закон дефиниций, применяемых в нем понятий), в целом ряде федеральных законов, в том числе кодифицированного типа, необходимый понятийный ряд отсутствует, а используемые терминологические конструкции иной раз вызывают этическую оторопь. Ярким примером первого рода является Семейный кодекс РФ: в его общих положениях отсутствуют определения ключевых понятий – семьи, брака, родства, свойства, матери, отца, ребенка, усыновления/удочерения и т. д., а законопроекты по данному вопросу в основном пребывают «под сукном» либо категорически отвергаются [27, с. 364–381]. Примеры второго рода распределены по различным законодательным актам: «одинокая женщина», «переживший супруг», «срок дожития» и т. п. [28, с. 115–122].

Во-вторых, постоянно актуализируется, в связи с ускоренной изменчивостью современного бытия, проблема исследования (возможно, с последующей корректировкой Основного закона РФ [2, с. 162–163]) содержательного влияния этических и религиозных⁸ норм на фактуру права. И первые и вторые активно либо через прямое закрепление в законе, либо опосредованно (по смыслу) присутствуют в «теле» законодательства о госслужбе (заботься о благе граждан, не злоупотребляй положением и т. д.), труде, социальном обеспечении (требование «онормативленного сочувствия» к «сырым и слабым», справедливая поддержка семей участников СВО и т. д.), в уголовном законе («не убий», «не укради», «не изменяй Отчеству своему»...), даже в гражданском законодательстве (добросовестность, добропорядочность участников гражданского оборота) и др. Еще более ярко они представлены в семейном законодательстве и практике его применения [29, с. 58–73]: отношения в семье строятся на основе взаимной поддержки и уважения, «не прелюбодействуй» (супружеская измена как основание развода и применения к «изменщику» неблагоприятных последствий брачного договора), обязанности попечителей детей воспитывать в них должные нравственные качества, учет нравственной характеристики родителей и других попечителей при разрешении всех споров о детях, назначении опекуна, сохранение, по возможности, конфессиональной принадлежности ребенка при усыновлении/удочерении, традиция

⁸ Далеко не всеми ожидаемое закрепление в конституционной поправке тезиса «...сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога...» (ч. 2 ст. 67.1 Конституции РФ) меняет, на наш взгляд, привычную «картину» светскости российской государственности, предполагает иной вектор ее оценки.

сопровождения заключения брака религиозным обрядом⁹, учет глубокой воцерковленности добросовестного супруга при признании брака недействительным вследствие сокрытия недобросовестной стороной факта смены пола или нетрадиционных сексуальных наклонностей, необходимость защиты детей от информации (из традиционных и сетевых источников, в том числе видеоигр), содержащей призывы к неэтичному поведению, участию в сектах и т. д.

В то же время и доктрина и законотворчество, испытывая на себе активное воздействие консервативных взглядов различных общественных групп, при общем положительном их векторе (солидаризации с идеями о традиционных ценностях российского общества) иной раз подвержены «морализаторству». Так, например, вновь актуализирован вопрос об ограничении права женщины на прерывание беременности (и даже запрете): с одной стороны, мотивация замысла понятна и объяснима, ибо зародыш является будущим человеком, с индивидуальным геномом – в этом смысле можно вести речь о «квазиубийстве» [30, с. 27–50], однако, с другой стороны, женщина вправе распоряжаться своим телом и не должна подвергаться принуждению на сохранение беременности (возможно только убеждение, психологическая, моральная и материальная поддержка).

В дискуссионном поле находится программа суррогатного материнства: она рядом законодателей квалифицируется как разновидность торговли детьми. В принципе, анализ соответствующей практики (особенно с участием заказчиков-иностранцев¹⁰) данный тезис не опровергает. Но поскольку программа имеет целью преодоление бесплодия женщины или супружеской пары, включается и гуманитарное начало, особенно в отдельных (специфических) случаях, например: вынашивание ребенка матерью для дочери или сторонней женщиной – для матери (родителей) погибшего сына, не успевшего стать отцом... Как правило, негативно оцениваются предложения некоторых ученых и законодателей о необходимости юридического признания фактических брачных отношений [31, с. 394–405]. Однако при этом игнорируются ситуации, которые явно требуют гуманитарного прочтения и справедливой оценки: речь идет об устойчивом длительном фактическом супружестве с общими детьми [27, с. 373, 379], о защите интересов вдовы (при жизни – фактической супруги) воина, погибшего в СВО, и т. д. Именно последняя ситуация оказалась объектом пристального внимания Президента РФ и, как неизбежное (и благое!) следствие, – российских законодателей¹¹. Значит, не всякий фактический брак – «блуд»,

⁹ С обсуждением в доктрине возможности придания ему юридического значения – с записью акта госрегистрации.

¹⁰ В настоящее время эта возможность исключена.

¹¹ В ускоренном режиме разработан необходимый законопроект.

как характеризуют его некоторые общественные, религиозные деятели и представители научного сообщества. (Впрочем, мы полагаем, что подобная терминология неуместна для любых вариаций фактического супружества – лишь бы они сущностно не были тождественны связям «парочек с Тверской».)

Весьма противоречиво складывается дискуссия по вопросу о смертной казни. Мы уже заметили ранее, что следует отделять аргументацию о невозможности возврата к ней без изменения Конституции РФ (с формально-юридической точки зрения это не вполне верно) от соображений социологического, криминологического и процессуального свойства (о гуманизме, неочевидной результативности данной меры наказания в плане превенции, о судебных ошибках и т. д.). При этом следует заметить, что наблюдается и противоречие: во многих случаях законотворцы, ученые и представители общественности в качестве подтверждения своей позиции ссылаются на общественное мнение, но по обсуждаемой проблеме этого либо не происходит, либо оно, пусть и в латентной форме, игнорируется, либо же оценивается как своего рода «недомыслие». В частности, «латентный контекст» весьма ярко проявил себя при неоднократном отказе законодателей ратифицировать протокол № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод¹², возлагавший на Россию обязательство об отказе от смертной казни в мирное время [16, с. 59].

Шестое. В доктрине утверждается приоритет конституционных прав и свобод перед обязанностями того же уровня, подчеркивается факт закономерного отсутствия в названии гл. 2 Конституции РФ самого термина «обязанности», что ориентирует российское право (в образе его отраслей) на определенный вектор развития: доминирование обязывающего типа правового регулирования является тупиковой ветвью – с «винтиками», «с маленькими людьми нельзя сделать ничего великого» [10, с. 13]. Данная позиция требует уточнения. Во-первых, «маленькие люди», как известно, обеспечили индустриализацию страны, победу в Великой Отечественной войне и немало других достижений. Во-вторых, конструкция конституционных обязанностей, пусть и косвенным образом, вполне просматривается в конституционных призывах к уважению памяти предков, патриотизму, должном воспитании детей и т. п., а тем более – через систему ограниченный прав и свобод. В-третьих, подобная установка, в ее абсолютизированном виде, может вредить, пусть и непреднамеренно, обсуждаемой конструкции – в принципе. Так, например, весьма своеобразно формируется ее юридическое бытие относительно несовершеннолетних детей: независимо от возраста они не несут никаких обязанностей согласно «букве»

¹² Протокол № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод относительно отмены смертной казни // СПС Гарант.

Семейного кодекса РФ, а трудовое, административное, уголовное законодательство (частично и гражданское) их долженствование предполагают (хотя и, как правило, с 14 лет), ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»¹³ устанавливает обязанность, независимо от возраста ребенка, уважать других учащихся и сотрудников образовательного учреждения, выполнять требования его устава и других локальных актов, а по окончании младших классов – даже подвергнуться дисциплинарной ответственности за несоблюдение таковых обязанностей (ст. 43), однако обязанности уважать своих родителей (бабушку, дедушку и др.) семейным законом не установлено... [32, с. 17–32]

Предложенные размышления не охватывают всей «палитры красок»: картина ценностных ориентиров российского общества, безусловно, богаче, однако формат данного сочинения позволяют нам ограничиться сказанным.

Ссылки

1. Дерюгин П. П. Ценностные основания солидарности российского общества // Российское общество сегодня: ценности, институты, процессы: материалы Всероссийской научной конференции (Санкт-Петербург, 16–18 ноября 2023 г.) / отв. ред. Н. Г. Скворцов, Ю. В. Асочаков. Санкт-Петербург: Сциентиа, 2023. С. 55–57.

2. Смирнов П. И. Ценностные основы нравственного и правового суверенитета Российской Федерации. Проблема выявления // Российское общество сегодня: ценности, институты, процессы: материалы Всероссийской научной конференции (Санкт-Петербург, 16–18 ноября 2023 г.) / отв. ред. Н. Г. Скворцов, Ю. В. Асочаков. Санкт-Петербург: Сциентиа, 2023. С. 161–164.

3. Хабриева Т. Я. Конституционная реформа в России: в поисках национальной идентичности // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90, № 5. С. 403–414.

4. Лукьянова В. Ю. Новый концепт соразмерности универсальных и национальных ценностей в российском законодательстве // Журнал российского права. 2022. Т. 26, № 9. С. 53–69.

5. Тарусина Н. Н. Ограничение права как свобода: актуализация размышлений в пандемические времена // Социально-юридическая тетрадь. 2021. № 11. С. 8–21.

6. Бондарь Н. С. «Вечные» конституционные идеалы: насколько они неизменны в меняющемся мире? // Государство и право. 2020. № 6. С. 20–34.

7. Тарусина Н. Н. Семейные ценности под эгидой права: новое в традиции и традиция в новом // Lex Russica (Русский закон). 2023. Т. 76, № 1. С. 33–52. DOI 10.17803/1729-5920.2023.194.1.033-052.

¹³ Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 2012. № 53, ч. 1, ст. 7598.

8. Тихомиров Ю. А. Право: момент покоя или опережающее воздействие на социальные процессы? // Журнал российского права. 2020. № 4. С. 5–16.
9. Лункин Р. Н. Перед лицом социальных вызовов: волонтерство и христианская реабилитация групп риска // Вестник Пермского университета. Политология. 2018. № 2. С. 156–171.
10. Кокотов А. Н. Конституция России и «болезнь самоотречения» // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 1. С. 11–15.
11. Тарусина Н. Н. О новом концепте брака, или «пятой колонне» в брачном иностранстве // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2014. № 2 (28). С. 48–52. EDN SGMJUT.
12. Щелкин А. Г. Легализация однополых браков: к вопросу о социально-цивилизационных последствиях // Социологические исследования. 2019. № 11. С. 152–160.
13. Тарусина Н. Н. Гендер в законе и семейные ценности: в поисках баланса // Lex Russica (Русский закон). 2022. Т. 75. № 1. С. 131–146.
14. Тарусина Н. Н., Сочнева О. И. Права детей. М.: Проспект, 2018. 176 с.
15. Парог А. И. Уголовно-правовые позиции законодателя и правоприменителя // Lex Russica (Русский закон). 2016. № 11 (120). С. 46–60.
16. Тарусина Н. Н. Формально-юридические предположения о преодолении моратория на смертную казнь // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 1 (73). С. 56–65.
17. Биомедицинское право в России и за рубежом: монография / Г. Б. Романовский, Н. Н. Тарусина, А. А. Мохов [и др.]. М.: Проспект, 2014. 368 с.
18. Матвеева М. А., Воеводина А. И. Может ли участие в митинге рассматриваться как основание лишения родительских прав? // Семейное и жилищное право. 2020. № 2. С. 7–10.
19. Тарусина Н. Н. О некоторых невероятных приключениях «неуловимой» конструкции обязанности // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2021. Т. 15, № 2. С. 220–231. DOI 10.18255/1996-5648-2021-2-220-23.
20. Макаренко В. П. Политическая концептология. М., 2005. 366 с.
21. Гофман А. Б. Мартовские тезисы о социологии равенства и неравенства // Социологические исследования. 2004. № 7. С. 23–26.
22. Women in the Domain of Law in Russia: Emancipation and Counter-emancipation / N. N. Tarusina, A. V. Ivanchin, E. A. Isaeva [et al] // Kutafin Law Review. 2022. Т. 9, № 4. С. 740–773. DOI 10.17803/2313-5395.2022.4.22.740-773.
23. Тарусина Н. Н. Несколько тезисов об ограничениях прав и свобод в чрезвычайных обстоятельствах пандемии // Lex Russica (Русский закон). 2021. Т. 74, № 8. С. 99–109.

24. Лункин Р. Н. Социально-политические последствия пандемии для Русской православной церкви: раскрытие внутреннего потенциала гражданской активности и социального служения // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2020. Т. 22, № 4. С. 547–558.

25. Мчедлова М. М., Кофанова Е. Н. Россия в ожидании перемен: религиозный фактор и социально-политические предпочтения // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2020. Т. 22, № 1. С. 17–21.

26. Щелкин А. Г. Онтологическая парадигма для современного российского социума // Российское общество сегодня: ценности, институты, процессы: материалы Всероссийской научной конференции (Санкт-Петербург, 16–18 ноября 2023 г.) / отв. ред. Н. Г. Скворцов, Ю. В. Асочаков. Санкт-Петербург: Сциентиа, 2023. С. 182–185.

27. Тарусина Н. Н. Семья: ценностные и формально-юридические ориентиры // Демидовский юридический журнал. 2023. Т. 13, № 3. С. 364–381. DOI 10.18255/2306-5648-2023-3-364-381.

28. Тарусина Н. Н. Субъективные заметки о юридических терминах // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2022. № 3. С. 115–122. DOI 10.26456/vtpravo/2022.3.115.

29. Тарусина Н. Н. О нравственных конструктах в ценностном ряду российского семейного закона // Демидовский юридический журнал. 2023. Т. 13, № 1. С. 58–73. DOI 10.18255/2306-5648-2023-1-58-73.

30. Чернова Ж. В., Шпаковская Л. Л. Антиабортная повестка в консервативном дискурсе современной России: идеологические кампании, правовые инициативы и региональные практики // Демографическое обозрение. 2021. Т. 8, № 2. С. 27–50. DOI 10.17323/demreview.v8i2.12781.

31. Сочнева О. И. Фактический брак: юридическое забвение или право выбора // Демидовский юридический журнал. 2023. Т. 13, № 3. С. 394–405. DOI 10.18255/2306-5648-2023-3-394-405.

32. Тарусина Н. Н. Возраст как юридический факт в сфере семьи: соблазны и условность цифры // Lex Russica (Русский закон). 2022. Т. 75, № 10. С. 17–32. DOI 10.17803/1729-5920.2022.191.10.017-032.